

**ЭКОНОМИКА ДИСКРИМИНАЦИИ
ПРИ «ТРАДИЦИОННОМ КАПИТАЛИЗМЕ»**
(Размышления над книгой Д.Е. Раскова
«Экономические институты старообрядчества»)

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Научного центра Академии управления МВД России,
профессор Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
e-mail: latov@mail.ru*

Критические размышления над монографией Д.Е. Раскова позволяют сформулировать основные идеи общей концепции развития предпринимательских этно-конфессиональных меньшинств в до— и ранне-капиталистических обществах. Автор статьи приводит дополнительные аргументы в пользу сделанного Д.Е. Расковым вывода, что старообрядческое предпринимательство являлось феноменом скорее «традиционного капитализма», чем капиталистического общественного строя в собственном смысле слова.

Ключевые слова: старообрядческое предпринимательство; социология девиантности; теория экономических систем; институциональная экономическая теория; экономическая история; экономическая компаративистика; хозяйственная культура.

Critical reflections on D.E. Raskov monograph allow us to formulate the basic ideas of the general concept of entrepreneurial ethnic and religious minorities in the pre— and early-capitalist societies. The author presents additional arguments to the conclusions made by D.E. Raskov that the Old Believers' entrepreneurship is a phenomenon rather «traditional capitalism» than the capitalist social order in the true sense of the word.

Keywords: Old Believers entrepreneurship; sociology of deviance; theory of economic systems; institutional economics; economic history; economic comparative studies; economic culture.

Коды классификатора JEL: B52, L26, M21.

Недавно опубликованная книга Д.Е. Раскова является, несомненно, важной вехой в осмыслении социально-экономической истории старообрядчества вообще и старообрядческого предпринимательства в частности. Собственно, в отечественной библиографии это вторая (после книги В.В. Керова) (Керов 2004) монография, специально посвященная комплексной разработке данной проблематики. У петербургского экономиста получилась в высшей степени интересная книга, удачно сочетающая широту и энциклопедичность изложения с нетривиальностью подходов и выводов. Как и всякая новаторская книга, она порождает у вдумчивого читателя желание поспорить с автором.

Статья И.В. Розмаинского содержит отличное изложение основных идей Даниила Евгеньевича Раскова и ряд «каверзных» вопросов к его книге, ответы на которые могли бы значительно углубить понимание проблемы. Самым важным из этих вопросов автору представляется вопрос о «традиционном капитализме», который Д. Расков противопоставляет «современному капитализму». Напомним читателю соответствующий тезис из «Экономических институтов старообрядчества»: «Старообрядческий тип организации был более органичен для традиционного капитализма, который строился на репутации, личных отношениях, семейных и корпоративных связях. Современный капитализм, с его безличным типом отношений, уже был чужд ревнителям буквы и старины» (Расков 2012, 135). По этому поводу у И.В. Розмаинского возник естественный вопрос: поскольку инновации считаются (благодаря Й. Шумпетеру) ор-

ганической и краеугольной характеристикой капиталистического общественного строя, то «не является ли понятие “традиционного капитализма” оксюмороном?»).

Автору данных размышлений хотелось бы поделиться собственными соображениями по «каверзному» вопросу о старообрядческом «традиционном капитализме». Не претендуя на анализ всех проблем, в той или иной степени затронутых в монографии Д.Е. Раскова, автор статьи полагает, что осмысление этого ключевого аспекта позволяет увидеть новые грани институтов экономики старообрядцев.

Для решения вопроса о «традиционном капитализме» и о месте в нем старообрядцев действительно, как подчеркивает автор «Экономических институтов старообрядчества», необходим междисциплинарный подход. Речь идет, прежде всего, о таких направлениях обществоведения, как теория экономических систем (в рамках институциональной экономики) и социология девиантности. Кроме того, очень важным является компаративистский подход, т.е. сопоставление старообрядчества с другими более или менее аналогичными феноменами.

Сначала — небольшая ремарка о моральных оценках в исследованиях старообрядчества. Гонимые властями всегда побуждают сочувствие, особенно в исторической ретроспективе. В результате сложилась устойчивая традиция, когда разбойников и пиратов считают борцами за свободу, а религиозных сектантов — безвинными жертвами религиозных гонений. Дискуссия о роли раскольников-старообрядцев в социально-экономической истории России тоже проходит при априорном сочувствии исследователей к самоотверженным мученикам за веру. Чтобы найти более объективную точку зрения на подобные социальные девиации, можно попробовать найти их приблизительные аналогии в современном мире. Если задаться такой целью, то с некоторым удивлением понимаешь, что реальные робин гуды и капитаны блады являются предшественниками Нестора Махно и Шамиля Басаева, а пуритане Европы и русские старообрядцы во многом напоминают своими словами и действиями современных «братьев-мусульман» и членов «Ветви Давида»¹. Такое сопоставление позволяет лучше понять общее и особенное в «хозяйственном стиле» различных девиантных социальных групп.

Групповая девиантность рассматривается в современном обществоведении, прежде всего, как одна из форм социального лифта: если у представителей определенного социального слоя не хватает возможностей повышать свой статус в рамках существующей социальной системы, то они заинтересованы в создании контр-системы (параллельно со старой системой или вместо нее). Когда в обществе плохо работают социальные лифты, то любой харизматичный нонкомформист быстро обрастает множеством приверженцев независимо от того, к чему именно он призывает. Новая контр-система может быть преступной организацией, новой конфессией (сектой) или даже новым государственным образованием. Грань между разными видами контр-систем весьма условна, в реальной действительности новый социальный организм мог сочетать признаки всего перечисленного. Например, ассасины (низариты) Ближнего Востока в XII в. были одновременно и мини-государством (со «столицей» в горном Аламуте), и религиозной сектой (одним из направлений движения исмаилитов), и организацией убийц (не только по политическим мотивам, но и за плату).

Подобных сект/банд/армий можно во множестве найти в истории доиндустриальных цивилизаций — катары, гуситы, Запорожская Сечь, китайские триады, сикхи Индии и т.д. Все они изначально стремились захватить государственную власть по принципу «кто был никем, тот станет всем». Приверженцы «нового строя» и защитники «старого порядка» обычно проявляли друг против друга примерно одинаковую высокую жестокость, стремясь уничтожить противника «как класс». В некоторых случаях девиантам действительно удавалось подавить врагов и создать более или менее полноценное государственное образование (гуситы Чехии в XV в. или казаки Украины в XVII в., например), но гораздо чаще они терпели более или менее сокрушительное поражение. Конкретно старообрядцы пытались на первых порах создавать, как некогда ассасины, свои анклав (скиты) в малоосвоенных регионах востока и севера России и оказывать вооруженное сопротивление властям (вспомним восстание в Соловецком монастыре в 1668–1676 гг.), но ко второй половине XVIII в. даже бежать им стало уже некуда.

¹ В 1992 г. ФБР начало расследование деятельности в штате Техас секты «Ветвь Давыдова» после того как поступила информация о закупке сектантами огнестрельного оружия. Штурм поместья сектантов в апреле 1993 г., который проводился с использованием танков и вертолетов, привел к гибели около 80 человек, поскольку сектанты подожгли себя. Этот американский сюжет 20-летней давности поразительно напоминает гари (массовые самосожжения), которые устраивали российские староверы даже в XIX в., отказываясь подчиняться официальным властям. Конечно, как секты-убийцы являются крайним проявлением современного сектантства, так и массовые самоубийства есть проявление крайних тенденций в старообрядчестве.

Когда контр-система терпит поражение, ее представителям (тем, кто выживал) приходилось мириться с существующей системой и искать в ней какую-нибудь мало-мальски комфортную нишу. Этой нишей часто становился именно «традиционный капитализм», органически связанный с деятельностью «гонимых» (дискриминируемых) этно-конфессиональных меньшинств.

В книге Д.Е. Раскова мимоходом упоминается, со ссылкой на Уильяма Петти, «эффект гонимой группы». Речь идет о том, что во всех странах и в любые времена небольшие «гонимые» группы проявляют чрезвычайную способность к коммерции и финансовым операциям (Расков 2012, 132)². Чтобы лучше понять смысл этого наблюдения, следует вспомнить, что его автор жил в Англии XVII века, поэтому для него «все страны» и «любые времена» — это европейское средневековье и античность. В наши дни есть множество «гонимых» этносов (курды, негры и индейцы США, цыгане и т.д.) и сект (мормоны, «Церковь Христа», «Белое братство» и т.д.), которые вовсе не демонстрируют каких-то чрезвычайных способностей к торговле и финансам. Возникает впечатление, что европейская Реформация XVI в. взрывообразно породила множество способных к коммерции «гонимых групп» (баптисты, гугеноты и т.д.), но примерно с XIX в. этот процесс решительно оборвался. При «современном капитализме» в бизнесе уже нет обильного представительства «гонимых» социальных групп. Совсем напротив, есть экономическая теория дискриминации³, изучающая причины и последствия исключения «гонимых» из выгодных видов деятельности в рыночном хозяйстве. В целом ситуация выглядит так, будто до определенного исторического момента дискриминируемые этно-конфессиональные группы *втлкаливали* в сферу коммерции, а затем их стали, наоборот, *вытлкивать* из этой сферы. Как можно объяснить это странное явление?

Есть смысл вспомнить концепцию Карла Поланьи о включенности (*embeddedness*) экономики в социальную жизнь⁴. Как известно, Поланьи полемизировал с теми экономистами, которые видели зачатки «нормального» капитализма всюду, где был товарообмен. В доиндустриальных обществах, по его мнению, были базары и банки, но не было в сколько-нибудь развитом виде хозяйственной деятельности, основанной на рыночной конкуренции. То, что называли «капитализмом в древности», относится скорее к отношениям реципрокности (дарообмена) и редистрибуции (перераспределения), чем к рынку как таковому. Критики Поланьи справедливо отмечали, что этот институционалист существенно недооценивал развитие рынков в докапиталистических обществах. Однако его точка зрения о во многом квазирыночном характере древних/средневековых институтов товарного производства и торговли все же получила широкое распространение в теориях экономической истории.

Опираясь на идеи К. Поланьи, «традиционный капитализм» можно охарактеризовать как такую систему предпринимательства (рискованной деятельности ради денежной выгоды), где конкуренция носит в основном внерыночный характер, а рыночная конкуренция (совершенствование качества и снижение цены товара общедоступными методами) играет второстепенную роль. Это тот самый институт, который К. Маркс в 36-й главе III тома «Капитала» отнес к «допотопным формам капитала»⁵. Предложенный Э.Ю. Соловьевым термин «монополистический коммерциализм» является еще одним обозначением по существу того же явления (хотя сам Э.Ю. Соловьев использовал этот термин только для характеристики эпохи перехода от средневековья к раннему новому времени)⁶.

² Речь идет о следующем фрагменте из «Политической арифметики» (1676 г.): «Кроме того, необходимо заметить, что торговля не процветает (как думают некоторые) более всего там, где правительство опирается на единую народную религию, но что, скорее, торговля ведется наиболее энергично во всех государствах и при всех правительствах сектантской частью населения и теми, кто исповедует идеи, отличные от государственно признанных. Так, в Индии, где государственно признанной является магометанская религия, наиболее значительными купцами являются баньяны; в Турецкой империи — евреи и христиане; в Венеции, Неаполе, Ливорно, Генуе и Лиссабоне — евреи и некаатолические иностранные купцы» (Петти 1940, 168).

³ Ее основоположником считается нобелевский лауреат Гэри Беккер (Becker 1957).

⁴ Данила Расков специально подчеркнул в своей книге необходимость обращения к идеям К. Поланьи для понимания экономики старообрядчества (Расков 2012, 226–227). Пожалуй, ему следовало бы рассмотреть эти идеи более подробно, поскольку для его темы они не менее значимы, чем идеи М. Вебера.

⁵ «Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его по его старинной форме — ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях» (Маркс и Энгельс).

⁶ «...Рыночную экономику XV–XVI веков следует определять... как монополистический коммерциализм. Он образует единое целое со все более жестоким и циничным меркантильно-торгашеским феодализмом (в более широком социальном аспекте последний можно именовать неофеодализмом). Коммерсанты-монополисты и неофеодалы

Можно привести примеры торговых городов-государств, в которых «традиционный капитализм» был доминирующим укладом, — это прежде всего знаменитые купеческие республики средневековой Италии (Венеция, Генуя, Флоренция и др.). Однако чаще всего «традиционный капитализм» играл роль лишь одного из подсобных элементов тех обществ, где доминировали совершенно не предпринимательские виды деятельности⁷. Именно в таких обществах предпринимательские этно-конфессиональные меньшинства часто становились главными акторами «традиционного капитализма».

В докапиталистических обществах «торгаши» рассматривались обычно как люди с очень двойственным статусом. С одной стороны, они могли обладать изрядным денежным богатством и вызывать зависть окружающих. С другой стороны, их социальный статус был низок — нищий идальго свысока глядел на богатого купца. Правители рассматривали их как «полезное зло» — обкладывали высокими налогами и временами экспроприировали «неправедное» богатство. В качестве примеров можно вспомнить процесс против тамплиеров во Франции в 1307 г., в ходе которого рыцарей-банкиров не только ограбили, но и уничтожили «как класс», или изгнание в 1492 г. из Испании всех иудеев, чье имущество досталось государству. В царской России приниженное положение предпринимателей сохранялось по меньшей мере до середины XIX в.⁸ Насилие правителей в отношении «торгашей» встречало обычно одобрение со стороны обычных подданных, поскольку в докапиталистических обществах торговцы обслуживали в основном потребности знати, а ростовщиков ненавидели все, кому приходилось (почти всегда вынужденно) становиться их клиентами.

Двойственность социального статуса докапиталистических коммерсантов (одновременно уважаемых и презираемых) делала коммерцию естественной нишей для этно-конфессиональных девиантных (дискриминируемых) групп. Это было выгодно девиантам, поскольку позволяло им не только воспроизводиться как сплоченной социальной группе, но и обеспечивать себе относительно высокий уровень благосостояния. Это было выгодно и официальным властям, которые могли получать от «чужаков» более высокие подати, а при особой необходимости — экспроприировать «чужих» купцов и банкиров (ростовщиков), не опасаясь социального протеста со стороны основной массы подданных. Формируется своеобразная докапиталистическая экономика дискриминации: девиация за рамками социальной нормы превращалась в девиацию в границах нормы; опасный для властей противник становился «курицей, несущей золотые яйца».

Осваивая доставшуюся социальную нишу, девиантная социальная группа, ставшая предпринимательским меньшинством, волей-неволей культивировала определенные неформальные «правила игры» для своих членов. Речь идет о таких институтах, которые обычно вызывают у исследователя едва ли не восторг, — трудолюбие, бережливость, доверие и т.д.

верхи консолидируются в своего рода хозяйственную мафию, которая паразитирует на традиционном (полуна- туральном, мелкотоварном) производстве и богатеет за счет разорения значительной части производительного населения» (Соловьев Э.Ю. Главы учебного курса «Реформация и становление новоевропейской цивилизации». Лекция третья. Коммерциализм в Западной Европе XIV–XVI в. Опасность регрессии к доходному крепостничеству и плебейскому варварству. <http://www.novsu.ru/file/107594>).

⁷ Пользуясь марксистской терминологией, можно сказать, что «современный капитализм» (институциональная система вещной зависимости) — это общественная формация, в то время как «традиционный капитализм» (одна из разновидностей институциональных систем личной зависимости) может быть только укладом, но не формацией. К. Маркс афористично охарактеризовал сугубо периферийную роль коммерческой деятельности в большинстве докапиталистических обществ следующим образом: «При древнеазиатских, античных и т.д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Торговые народы древнего мира существовали, как боги Эпикура в межмировых пространствах, или, вернее, как евреи в по- рах польского общества. Торговля первых самостоятельных, колоссально развившихся торговых городов и торго- вых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников» (Маркс и Энгельс). Следует подчеркнуть, что если в античной древности торговые народы создавали собственные государства (Финикия, Карфаген), то в средние века торговыми народами чаще все- го становились этно-конфессиональные меньшинства, не имеющие собственной государственности (как евреи).

⁸ Яркая иллюстрация — сцена из «Ревизора» Н.В. Гоголя, в которой городничий устраивает хамский разнос богатым «купцам-аршинникам», которые посмели пожаловаться на его вымогательства столичному ревизору: «Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казноу, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожа! — дворя- нин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша» не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль!». Одного этого свиде- тельства достаточно, чтобы понять, что до институтов «современного капитализма» России времен Николая I было очень-очень далеко.

Таблица 1

Социальные нормы предпринимательских меньшинств (на примере староверов*)

Социальные нормы	Преимущества для представителей меньшинства	Недостатки для представителей большинства
Трудолюбие	Высокая производительность, самоорганизация	<i>Снижение норм оплаты труда</i>
Бережливость	Прибыль для инвестиций, самофинансирование; <i>снижение вероятности конфискации</i>	<i>Сокращение рынков сбыта потребительских товаров и финансовых услуг</i>
Доверие к «своим»	Беспроцентный кредит, доступность рабочей силы, возможность заменить закон нормами	<i>Конкурентные экономические преимущества «чужих» предпринимателей</i>
Общинность	Тесные экономические связи, низкие издержки принуждения, <i>высокие возможности для лоббирования своих интересов</i>	<i>Конкурентные экономические и внеэкономические преимущества «чужих» предпринимателей</i>

* Курсивом выделены дополнения автора статьи в таблицу Д.Е. Раскова

Для правильной оценки этих добродетелей надо помнить, что речь идет о традиционном докапиталистическом обществе. В этом обществе конкуренция трактуется как игра с нулевой суммой (выигрыш одних есть проигрыш других) и господствует настороженное (в лучшем случае) отношение к институциональным инновациям. С этой точки зрения становится видна неприглядная оборотная сторона «буржуазных» добродетелей в не-буржуазном обществе⁹. Чтобы лучше представить диалектику «орла и решки» этих социальных норм, приведем составленную Д.Е. Расковым таблицу социальных норм староверов, внося в нее некоторые дополнения (см. табл. 1).

«Вредность» трудолюбия в обществе с доминированием редистрибуции (административного перераспределения) можно проиллюстрировать аналогией: когда в Советской России началось стахановское движение, то коллеги по работе нередко подвергали оскорблениям и даже побоям ударников труда. Ведь трудоголизм стахановцев приводил к тому, что ударникам значительно повышали оплату, а обычным работникам снижали расценки. Соответственно, в предкапиталистических обществах появление какой-то социальной группы, демонстрирующей повышенное профессиональное трудолюбие, приводило к сокращению доходов у других социальных групп, связанных с этими же профессиями.

Бережливость староверов тоже могла вызывать неодобрительное отношение у их соседей из числа «обычных» православных. Рынки в до— и ранне-капиталистических обществах были узкими и локальными, поэтому отказ староверов от покупки значительной части потребительских товаров бил по интересам производителей этих товаров. Д.Е. Расков аргументирует сугубо позитивную оценку бережливости староверов тем, что «ограничение спроса со стороны относительно небольшой группы потребителей не сказывалось на макроэкономических показателях и не приводило к недостаточному спросу» (Расков 2012, 144). Этот аргумент справедлив на макроуровне, но может не работать на мезоуровне: если в конкретном регионе доля старообрядцев была высока, то производители «ширпотреба» этого региона могли воспринимать их образ жизни как ущемление своих материальных интересов. Попутно следует подчеркнуть, что бережливость староверов — это не только их личный выбор, но и результат давления обстоятельств. В ситуации слабой (более слабой, чем у «нормальных» православных) защищенности их прав собственности «раздражать» власть имущих наглядными проявлениями своего богатства было бы крайне неразумно.

Высокий уровень доверия не вообще ко всем, а именно к «своим», давал предпринимателям-староверам (и только им) дополнительное конкурентное преимущество. В качестве примера можно вспомнить описанную в статье Л.А. Исакова ситуацию, когда старообрядец мог после кризиса восстановить производство за неделю, а его конкурент — за год. По мнению Л.А. Иса-

⁹ Иллюстрацией того, как добродетель может обернуться своей противоположностью, является следующий пример из жизни автора статьи. Беседуя несколько лет назад с одним из своих старших и очень уважаемых коллег, автор упомянул, что он за довольно скромное вознаграждение выполнил большое по объему аналитическое исследование. Наивный автор ожидал от собеседника восхищения своим трудолюбием. Однако собеседник отреагировал совсем иначе: он с укоризной заметил, что именно из-за таких «штрейхбрейкеров» научным работникам не дают должной оплаты. После этой беседы автор лучше понял, что в обществе с «не совсем» капиталистическими институтами «буржуазные добродетели» объективно становятся проявлением оппортунизма и должны пресекаться.

кова, здесь наблюдается торжество морального чувства над духом наживы. Следует сделать только существенное уточнение: если бы обычный российский предприниматель XIX в. попытался использовать в общении со своими работниками те же менеджериальные методы «человеческих отношений», что и предприниматель-старообрядец, то результат вряд ли оказался бы удачным. Ведь в данном примере речь идет о преимуществах не личной морали, а групповых норм поведения, обусловленных членством в девиантной социальной группе.

Общинный коллективизм староверов является, может быть, наиболее важным их преимуществом. Эта ситуация хорошо знакома специалистам по современной политической экономике, которые изучают, как концентрированный интерес немногочисленных групп со специальными интересами может одерживать верх над распыленным интересом большинства¹⁰. В условиях высокой институциональной коррупции, типичной для дореформенной России, общинность существенно облегчала староверам возможность в той или иной форме подкупать царских чиновников. В книге Д.Е. Раскова этот аспект специально не исследуется, но часто мелькает в описании конкретных ситуаций. Скажем, описывая торговую деятельность Выговской пустыни в первой четверти XVIII в., автор книги прямо пишет: «Для защиты общины от преследований значительные средства и силы шли на подкуп и оказание услуг сильным мира сего» (Расков 2012, 153)¹¹. Естественно, что коррумпированные чиновники обеспечивали предпринимателям-старообрядцам определенные преимущества перед обычными предпринимателями (Расков 2012, 96–97).

Поскольку и взятодатели, и взякополучатели стремились скрывать эти отношения, современным исследователям сложно их доказывать. Несомненным фактом является наличие у староверов крупных финансовых фондов в форме кладбищенских касс, которые использовались без документального оформления — не только на оплату похорон, но и для неформального беспроцентного кредитования. В условиях, когда подкуп чиновников становился важным условием жизнедеятельности социальной группы, было вполне возможно использование кладбищенских касс и в коррупционных целях.

Итак, то, что являлось выигрышем для предпринимательских меньшинств, оборачивается, как видно по таблице, оппортунистическим поведением по отношению к обычным подданным. Речь идет вовсе не о том, будто «чужаки» обманывали обычных подданных. Прибегать к таким грубым методам для представителей дискриминируемых групп было смертельно опасно в самом буквальном смысле слова. Поэтому староверческую поговорку, что «честные гири угодны Богу», можно трактовать как одно из правил выживания во враждебном окружении.

Оппортунизм предпринимательских меньшинств проявлялся в том, что они создавали для себя такие «правила игры», которые невозможны для других¹²: старовер или иудей может получить беспроцентный кредит, а «обычный» православный или католик не может; староверы обязаны жить скромно, а зажиточный православный должен нести существенные представительские расходы; предпринимателям из старообрядцев и иудеев легче «вскладчину» подкупать местных администраторов; и т.д. Уклоняясь от общепринятых «правил игры», предпринимательские меньшинства вытесняют обычных подданных из прибыльных сфер деятельности. Власть имущим такое вытеснение выгодно, поскольку облегчает возможности для институциональной коррупции и конфискаций: права собственности «чужого» де-факто всегда защищены слабее, чем «своего». Конечно, такой рентоискательский «хозяйственный стиль» никак не ускоряет (а скорее даже замедляет) формирование в стране капиталистического способа производства.

Сопоставление старообрядческого предпринимательства с современными практиками этнического предпринимательства заставляет переосмыслить данные о высоком удельном весе старообрядцев в российском предпринимательстве XVIII–XIX вв. Эти данные обычно истол-

¹⁰ См. например: (Нуреев 2005).

¹¹ Следует учитывать, что коррупция может с успехом маскироваться под благотворительность, чему есть много примеров в настоящем и в прошлом. Предположим, например, что в некоей губернии срочно необходимо произвести какие-то общественные работы (перестроить дорогу, отремонтировать мост, построить больницу...), а средств у муниципальных властей нет. Тогда местный градоначальник вызывает состоятельных «купцов-аршинников» и в тональности гоголевского городничего предлагает им сделать «добровольные пожертвования». В результате наивные потомки удивляются, как широко в прежние времена была развита социальная благотворительность, и как плохо, что в нынешние времена ее не заметно.

¹² Возможность перенимать чужой успешный опыт (отсутствие монополистических барьеров) — одна из главных характеристик рыночной конкуренции. В добуржуазных обществах, где личность индивида «растворена» в коллективе, главным монополистическим барьером является членство в социальной группе, чьи социальные нормы принципиально не могут свободно копироваться всеми, кто захочет.

ковывают как доказательство более высокой эффективности (и даже «буржуазности») староверческой коммерции. Однако их можно истолковать и совсем иначе. Приведем аналогию: рискнет ли кто-либо утверждать, что большое количество азербайджанских предпринимателей на потребительских рынках современной России доказывает более высокий уровень эффективности бизнеса и «духа капитализма» в Азербайджане? Соответственно, и большое количество предпринимателей-староверов в царской России может оказаться результатом не только и не столько их трудолюбия/бережливости/честности, сколько их более высокой способности лоббировать свои интересы (в том числе — коррумпировать государственный аппарат).

Этноконфессиональные предприниматели живут одной «семьей», используют невозможные для других приемы бизнеса, активно подкупают местное начальство, используют полуправильные «общаки»... На что это похоже? Правильно, на мафию! Точнее, речь идет об экономической организованной преступности — группах предпринимателей, которые систематически совершают экономические преступления (уклонение от налогов, коррупция, нарушение правил конкуренции и т.д.). Как в современной России часто ругают «торговую мафию» (азербайджанскую, армянскую, чеченскую, китайскую и т.д.), так, скорее всего, и в царской России обычные подданные относились к предпринимательским меньшинствам «не очень» одобрительно.

Чтобы лучше понять, как в старину относились обычные подданные к предпринимательским «мафиозным» меньшинствам (включая старообрядцев), есть смысл не только изучать исторические документы, но и провести включенное наблюдение. Для этого достаточно просто пойти на рынок, где работают в основном представители народов Кавказа и Закавказья, и прислушаться к своему «внутреннему голосу» и к голосам вокруг. Попутно следует вспомнить, что во время средневековых народных восстаний простолюдины с охотой грабили и убивали предприимчивых «чужаков», которых не без основания считали клиентурой враждебной политической администрации. Можно вспомнить, например, резню арабских и еврейских купцов в Китае во время восстания Хуана Чао в IX в. или массовые убийства ткачей-фламандцев в Англии во время восстания Уота Тайлера в XIV в. Когда понимаешь, что организаторы взрывов на Черкизовском рынке в Москве в 2006 г.¹³ и убийцы фламандцев в Лондоне 1381 г.¹⁴ руководствовались весьма близкими мотивами, то многие особенности деятельности предпринимательских меньшинств предстают в новом свете.

Сопоставление российского Раскола XVII в. с западноевропейской Реформацией XVI в. помогает лучше понять, в какой степени деятельность предпринимателей-староверов способствовала развитию капитализма в России.

Хотя Реформацию XVI в. часто трактуют (с легкой руки Макса Вебера) как переломное событие мировой истории, которое породило качественно новую предпринимательскую этику, ставшую духом капитализма, однако современные исследователи все чаще проявляют к идеям М. Вебера определенный скептицизм. Давно замечено¹⁵, что были протестантские страны, которые отнюдь не демонстрировали успешного буржуазного развития (Шотландия, скандинавские государства), и, наоборот, были католические страны с бурным развитием капитализма (Бельгия). Широкой популярностью начинает пользоваться мнение, что развитие «духа капитализма» у протестантов было связано не столько с протестантской хозяйственной этикой (моральным оправданием богатства), сколько с развитием личной ответственности¹⁶ и широким распространением грамотности¹⁷. У старообрядцев из всех детерминант «духа капитализма» обнаруживается только распространение грамотности. Реабилитация богатства и индивидуализация веры являлись в рамках старообрядчества, судя по книге Д.Е. Раскова, лишь периферийными тенденциями, категорически не типичными для большинства староверов. Поэтому

¹³ Члены националистической организации «Спас» произвели теракт 21 августа 2006 г. на московском Черкизовском рынке, где работают в основном нерусские. В результате двух взрывов погибли 14 человек (в том числе 6 таджиков, 3 узбека, 1 китаец), более 60 получили ранения.

¹⁴ «В резне приблизительно 160 фламандцев — непопулярного национального меньшинства в Лондоне — долго было принято считать виновными восставших крестьян, однако в настоящее время исследователи склонны полагать, что это дело рук самих лондонцев. [...] Дело в том, что... фламандцы были, как правило, искуснейшими ткачами и весьма успешно конкурировали с членами лондонских швейной и ткацкой гильдий; те их, естественно, ненавидели и не упустили случая свести старые счеты. Этих несчастных буквально вытаскивали из собственных домов и церквей и прямо на улице резали насмерть. [...] Заодно были разграблены и разгромлены дома многих банкиров и ростовщиков из Ломбардии, но и это было делом рук горожан, натравленных на пострадавших, скорее всего, их деловыми конкурентами или должниками» (Поулсен 1987).

¹⁵ См. например: (Оссовская 1987).

¹⁶ Речь идет о том феномене, который удачно назван А. Глинчиковой «индивидуализацией веры»: (Глинчикова 2008).

¹⁷ См. например: (Коротаев, Малков и Халтурина 2007, 95–100).

старобрядческое предпринимательство осталось в основном феноменом «традиционного капитализма» — предкапиталистического предпринимательства.

Предпринимательские меньшинства устойчиво воспроизводятся, видимо, в той степени, в какой сохраняется «традиционный капитализм»: в странах Запада до XIX в., в странах Востока «допотопные формы капитала» в значительной степени сохраняются и в современную эпоху¹⁸. Когда же он сменяется «современным капитализмом», основанным на рыночной конкуренции, то, как справедливо отметил Д.Е. Расков, традиционные достоинства предпринимательских меньшинств оборачиваются недостатками даже с точки зрения их же самих. Скажем, доверие *только* (или в первую очередь) к «своим» мешает искать деловых партнеров из числа представителей других конфессий, этносов и наций. Поэтому представителям предпринимательских этно-конфессиональных меньшинств приходилось выбирать: либо они сохраняют свои позиции в бизнесе, отказываясь (по крайней мере, частично) от культурной самобытности; либо они сохраняют культурную самобытность, отказываясь от активного участия в бизнесе. Иудейские диаспоры Запада и старообрядцы России эволюционировали в новое и новейшее время скорее по первому пути, в то время как армянские диаспоры — скорее по второму. Судя по книге Д.Е. Раскова, российские старообрядцы шли в предреволюционный период по обоим путям: активные предприниматели-староверы теряли связь со своими общинами и даже переходили в официальное православие, а активные сторонники благочестия теряли интерес к предпринимательству.

Самое главное, коренным образом меняется отношение к коммерции: ранее она прези-ралось, теперь же она становится главной сферой самореализации. Поэтому если ранее этно-конфессиональные меньшинства выталкивались *в* коммерцию, то теперь представители большинства жаждут вытолкнуть «чужаков» *из* коммерции. Политика национализма становится официальным обоснованием для этого выталкивания. Государственная организация этнокон-фессионального геноцида — против армян в Турции, против евреев в фашистской Германии — имела успех главным образом именно там, где «гонимые» ранее были предпринимательским меньшинством и не желали уходить из «оккупированной» ими сферы коммерции.

Российских старообрядцев гонения на «чужих» практически не коснулись, поскольку к началу XX в. культурное отчуждение староверов от «нормальных» православных существенно стёрлось. В современной России сообщества староверов хотя и сохраняют традиционные моральные ценности¹⁹, но уже не демонстрируют сколько-нибудь активного участия в бизнесе. Судя по всему, история старообрядческого предпринимательства окончательно завершилась в первой трети прошлого века, с завершением НЭПа.

Процесс появления все новых и новых девиантных этноконфессиональных групп за последнее столетие скорее усилился, чем замедлился (особенно по мере развития трудовой миграции), но новые предпринимательские меньшинства уже не образуются, а старые постепенно «рассасываются». Точнее говоря, новые этноконфессиональные предпринимательские меньшинства образуются лишь в тех сферах, где устойчиво воспроизводятся докапиталистические институты.

Речь идет в первую очередь о сфере криминальной экономики, где конкуренция носит по-прежнему в основном внеэкономический характер, — главную роль играет умение подкупать и приводить силовые «аргументы, от которых трудно отказаться». В результате новая волна иноэтнических мигрантов (латиноамериканцев в США, турок в Германии, народов Северного Кавказа в Центральной России и т.д.) всегда приводит к появлению новой этнической организованной преступности (мафии), которая стремится монополизировать выгодные виды нелегального бизнеса (в частности, наркоторговлю). Этническая организованная преступность является одним из проявлений современной экономики дискриминации: в нелегальный бизнес уходят в значительной степени те, кого не пускают в легальный бизнес. По мере того как мигранты адаптируются в принимающем социуме, они перестают восприниматься как «чужие»; исчезновение дискриминации ведет к постепенному исчезновению этнической организованной преступности (как, например, в США на протяжении второй половины минувшего века постепенно потеряла значение знаменитая итальянская мафия — «Коза Ностра»).

Предлагаемый в данной статье подход к анализу эволюции этноконфессиональных предпринимательских меньшинств вообще и экономики старообрядцев в частности можно рассмат-ривать как дополнение к концепции Д.Е. Раскова. Автор «Экономических институтов

¹⁸ Этот феномен глубоко проанализирован в монографии: (Дятлов 1996).

¹⁹ См. например: (Карнышев 2011, 59–70).

старообрядчества» заострил внимание, отталкиваясь от идей М. Вебера, на влиянии «картины мира» (культурных стереотипов)²⁰ старообрядцев на их «хозяйственный стиль» (неформальные социально-экономические институты). Автор данной статьи предлагает на основе идей К. Маркса и К. Поляни обратить пристальное внимание также и на обратную связь — рассматривать влияние не только «картины мира» староверов на «хозяйственный стиль», но и, наоборот, их «хозяйственного стиля» на «картину мира». При таком подходе добродетели старообрядческого предпринимательства представляются во многом порождением нужды и даже не совсем добродетелями. История российского старообрядческого предпринимательства становится частным примером глобальной истории предпринимательских этно-конфессиональных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

- Глинчикова А.* (2008). Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция.
- Гуревич А.Я.* (1972). Категории средневековой культуры. М.: Искусство. 15–16.
- Дятлов В.И.* (1996). Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Наталис.
- Карнышев А.Д.* (2011). Взаимодействие религиозных и психолого-экономических установок в традициях и инновациях старообрядчества // *Journal of Institutional Studies*. Т. 3. № 4. 59–70.
- Керов В.В.* (2004). «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-информ.
- Кортаев А.В., Малков А.С. и Халтурина Д.А.* (2007). Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS. Гл. 7. Переосмысляя Вебера: грамотность и «дух капитализма». 95–100.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II.
- Нуреев Р.М.* (2005). Теория общественного выбора. Пособие для преподавателя. М.: ГУ–ВШЭ.
- Оссовская М.* (1987). Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс.
- Петти В.* (1940). Экономические и статистические работы. М.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Поулсен Ч.* (1987). Английские бунтари. М.: Прогресс.
- Расков Д.Е.* (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Соловьев Э.Ю.* Главы учебного курса «Реформация и становление новоевропейской цивилизации». Лекция третья. Коммерциализм в Западной Европе XIV–XVI в. Опасность регрессии к доходному крепостничеству и плебейскому варварству. (<http://www.novsu.ru/file/107594>).
- Becker, G.* (1957). *The Economics of Discrimination*. Chicago.

²⁰ Хотя Д.Е. Расков не дает в своей книге подробного объяснения, что такое «картина мира», само это понятие давно используется в научной культурологической литературе (главным образом как «научная картина мира» и «языковая картина мира») и вряд ли требует специальных комментариев. По мнению автора статьи, данное понятие можно определить (по аналогии с понятием «языковая картина мира») как исторически сложившуюся в обыденном сознании членов определенной социальной группы совокупность представлений (стереотипов) об окружающем их мире, помогающую осмыслить действительность. А.Я. Гуревич активно использовал понятие «"картина мира" средневекового человека», которое определял как «сетку координат», при посредстве которых «люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич 1972, 15–16).